

РАЗДЕЛ II ИССЛЕДОВАНИЕ СИСТЕМ ОБРАЗОВАНИЯ ЗАПАДА И ВОСТОКА

Part II. RESEARCH OF EDUCATIONAL SYSTEMS OF THE WEST AND THE EAST

Философия образования. 2021. Т. 21, № 4
Philosophy of Education, 2021, vol. 21, no. 4

Научная статья
УДК 37.0(4+5)+316.7
DOI: 10.15372/PNE20210405

Евразийское образовательное пространство: идея и реализация

Абрамова Мария Алексеевна¹

¹Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, marika24@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6923-3564>

Аннотация. *Введение.* Обращение к феномену евразийского образовательного пространства актуализировано современными процессами социокультурной трансформации, происходящими в странах его участников, обуславливающими потребность составления некоего обобщенного представления о степени реализации идеи. В статье ставится проблема сопоставления целей и задач вхождения России в евразийское образовательное пространство с современными ее потребностями. *Методология.* Рассматривается феномен евразийского образовательного пространства с позиции системного, функционального и коммуникативного подходов и теории баланса сил как некое социокультурное пространство, в котором каждое государство-участник, выполняя условия соглашения, в то же время преследует свои задачи. *Обсуждение.* На основе анализа различных типов объединений и соглашений стран-участников евразийского образовательного пространства показаны сложность и динамичность данной системы. Выявлены современные тенденции, влияющие на трансформацию отношения стран к идее создания общего образовательного пространства. На примере анализа резолюций форумов творческой и научной интеллигенции, государств – участников Содружества, правительственных документов, работ российских и зарубежных исследователей делается вывод о необходимости более взвешенной политики со стороны России в реализации идеи евразийского образовательного пространства. *Заключение.* Выполненный анализ позволяет сделать вывод о том, что использование термина «евразийское образовательное пространство» на данный момент скорее является идеей, разделяемой многими государствами, но не реализованным единым целым. Попытка представления европейского образовательного пространства в виде системы показала достаточно сложно сконструированную многослойную композицию из различных взаимодей-

ствующих систем и подсистем, включающую двусторонние партнерские типы объединений, а также различные коалиции и ассоциации. Одним из важных факторов сохранения условий взаимодействия в евразийском образовательном пространстве является формирование мотивации к изучению и сохранению русского языка как средства международного общения.

Ключевые слова: евразийское образовательное пространство, социокультурное пространство, Россия, страны СНГ, ШОС, ЕАЭС, баланс и устойчивость системы

Для цитирования: **Абрамова М. А.** Евразийское образовательное пространство: идея и реализация // Философия образования. 2021. Т. 21, № 4. С. 127–142. DOI: <https://doi.org/10.15372/PHE20210405>

Scientific article

Eurasian educational space: idea and implementation

Mariya A. Abramova¹

¹Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, marika24@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6923-3564>

Abstract. *Introduction.* Addressing the phenomenon of the Eurasian educational space is actualized by the modern processes of socio-cultural transformation taking place in the countries of its participants, which necessitate the compilation of some generalized idea of the degree of realization of the idea. The paper raises the problem of comparing the goals and objectives of Russia's entry into the Eurasian educational space with its modern needs. *Methodology.* Consider the phenomenon of the Eurasian educational space from the standpoint of systemic, functional and communicative approaches and the theory of balance of power as a kind of socio-cultural space within which each participating state, fulfilling the terms of the agreement, at the same time pursues its own objectives. *Discussion.* Based on the analysis of various types of associations and agreements of the participating countries of the Eurasian educational space, the complexity and dynamism of this system are shown. The current trends affecting the transformation of the attitude of countries to the idea of creating a common educational space are revealed. Using the example of the analysis of resolutions of Forums of creative and scientific intelligentsia, member states of the Commonwealth, government documents, works of Russian and foreign researchers, come to the conclusion about the need for a more balanced policy on the part of Russia in implementing the idea of the Eurasian educational space. *Conclusion.* The analysis allows us to conclude that the use of the term "Eurasian educational space" at the moment is rather an idea shared by many states, but not implemented as a single whole. An attempt to represent the European educational space in the form of a system has shown a rather complexly constructed multi-layered composition of various interacting systems and subsystems, including bilateral partner types of associations, as well as various coalitions and associations. One of the important factors of preserving the conditions of interaction in the Eurasian educational space is the formation of motivation to study and preserve the Russian language as a means of international communication.

Keywords: Eurasian educational space, socio-cultural space, Russia, CIS countries, SCO, EAEU, balance and stability of the system

For citation: Abramova M. A. Eurasian educational space: idea and implementation. *Philosophy of Education*, 2021, vol. 21, no. 4, pp. 127–142. DOI: <https://doi.org/10.15372/PNE20210405>

Введение. События последних лет, происходящие на политической арене: в Афганистане, на Украине, волна беженцев в Европе, а также изменения в жизни людей под влиянием эпидемии COVID-19 – неизменно наводят нас на мысль о том, что мир меняется и то социокультурное пространство, к которому мы адаптировались еще лет 10 назад, также уходит в небытие. Социокультурные трансформации, обусловленные происходящими изменениями в области политики и экономики, предполагают латентный пересмотр ближних и дальних целей участников различных международных ассоциаций, поскольку в системе, как отмечают Х. Булл и А. Уотсон, «поведение каждого является необходимым фактором в расчетах для других» [1, с. 12]. Одним из таких примеров международных ассоциаций является евразийское партнерство стран в области образования. Участие России в этом «проекте» преследовало задачи поддержания связей со странами СНГ, странами восточного лагеря Европы, сохранение своего влияния. Но постепенно идея евразийского образовательного пространства стала привлекательной для Китая и стран Юго-Восточной Азии, что, с одной стороны, расширило спектр взаимодействия, но с другой – заставило более взвешенно относиться к оценке миссии каждого участника. Кроме этого, мы, конечно же, не можем не обращать внимания на изменение геостратегических задач партнерства стран в связи с ситуацией на Ближнем Востоке.

Постановка проблемы. Обращение к феномену евразийского образовательного пространства, к идее его создания и функциям, которые оно изначально должно было выполнять актуализировано современными процессами социокультурной трансформации, происходящими в странах его участников, обуславливающими потребность составления некоего обобщенного представления о формате реализации идеи. В статье ставится проблема сопоставления целей и задач вхождения России в евразийское образовательное пространство с современными ее потребностями.

Методология. Представление феномена социокультурного пространства осуществляется нами на основе применения социокультурного и системного подходов в интерпретации П. Сорокина «общество, культура, человек», когда подчеркивается зависимость взаимодействия субъектов от сформированной системы «социальных координат» [2; 3], а поведение субъектов и социальная стратификация общества обуславливаются как социально-политическими, экономическими, так и культурными особенностями сформированного пространства. Таким образом, социальное пространство приобретает свойства, приписываемые ранее лишь пространству культуры, а расширение возможностей в рамках использования термина

«социокультурное пространство» позволяет сфокусировать внимание на акторах и условиях их бытия. Использование социокультурного подхода расширило возможности исследования пространства благодаря изучению его процессов и механизма социальных связей, формируемых в согласии с особенностями социокультурных типов, в единстве их изменений (социокультурная динамика) и признании их самоорганизующейся деятельности.

Вследствие вышесказанного мы рассматриваем феномен евразийского образовательного пространства с позиции системного, функционального и коммуникативного подходов как некое социокультурное пространство, в котором каждое государство-участник, выполняя условия соглашения, в то же время преследует свои задачи, меняющиеся в зависимости от реальной ситуации и потребностей акторов, обусловленных их восприятием ближних и дальних целей частного и общего развития.

Обращаясь к восприятию евразийского образовательного пространства как системе, мы невольно приходим к идее о ее сбалансированности и устойчивости, что может определяться множеством характеристик как самих участников, содержанием и спецификой их взаимодействия, так и глобальной социально-политической, экономической ситуацией, влияющей на все страны мира.

Концептуализация теории баланса сил происходит в 1950–1970-е гг., когда представлены работы Э. Хааса [4], М. Каплана [5; 6], К. Уолтца [7], Д. Зиннес [8], С. Хоффмана [9], П. Чаттердже [10] и др. В России эта теория была наиболее полно представлена в коллективной монографии сотрудников ИМЭМО РАН [11]. Также важно отметить более поздние работы отечественных исследователей международных отношений: А. Д. Богатурова [12], В. М. Кулагина [13], В. А. Кременюка [14], П. А. Цыганкова [15], Н. В. Загладина [16], А. В. Зобнина [17], Д. А. Дегтярева и А. В. Худайкуловой [18] и др.

Важно отметить, что концепция баланса сил является одной из самых противоречивых в российской и зарубежной политологии, поскольку, с одной стороны, она, опираясь на системный подход, анализируя динамическое равновесие в сложной системе международных отношений, обращается к фактам и событиям настоящего, а с другой – для создания полноценной картины событий и учета большего спектра фактов использует ретроспективный анализ.

Обращаясь к коммуникативному подходу, развивающемуся с конца XX в. («языковой опыт» Л. Витгенштейна [19], структурно-лингвистическая концепция Ф. де Соссюра [20]; «философия диалога» М. Бахтина [21]; социально-психологическая модель Т. Ньюкомба; когнитивная теория Ч. Осгуда [22] и др.), мы можем представить пространство как среду социального взаимодействия (социальных коммуникаций), а развитие коммуникативных форм как процесс социального развития, в результате которого формируется

социальная структура социокультурного пространства и европейского образовательного в том числе.

Обсуждение. Евразийское образовательное пространство, представляющее многослойную композицию из различных взаимодействующих систем и подсистем, чаще всего представляемых уровнем высшего образования, но не ограничивающееся им выполняет отчасти задачи по интеграции участников объединений СНГ, ШОС (Шанхайская организация сотрудничества), ЕАЭС (Евразийский экономический союз). Достаточно детально конструкция этой композиции рассмотрена в статье В. В. Комлевой «Гуманитарное сотрудничество в Евразии: система евразийского образовательного пространства». Автор упоминает в рамках ее рассмотрения концепцию «Нового шелкового пути», претендующую на объединение всех выше названных подсистем на основе экономического сотрудничества и ценностно-идеологического конструкта «шанхайский дух» [23, с. 80]. Но в последние годы свои интересы в евразийском пространстве, в том числе образовательном, стали активно проявлять и другие государства: Китай (член ШОС), Турция (партнер по диалогу ШОС) и Иран (государство-наблюдатель при ШОС); Саудовская Аравия и ОАЭ также развивают проекты экономического и духовного проникновения в регион [24] и др.

Структурно предполагая евразийское образовательное пространство, мы в первую очередь опираемся на характеристики образовательного пространства стран – его участников, то есть национальные системы образования, развитие которых исторически могло привести к формированию совершенно различных моделей. Но если в условиях подписания Болонской декларации страны-участницы брали на себя обязательства привести свои национальные системы к некоей унифицированной форме, то сотрудничество в рамках евразийского образовательного пространства базируется на принципе уважения к суверенитету, что позволяет, например, заключать двусторонние договоры со странами, не входящими в состав участниц евразийского образовательного пространства.

Одной из подсистем в этом пространстве является формат двусторонних отношений между государствами, который приводит к высокому уровню интеграции при взаимодействии: обмен студентами, преподавателями, проведение научных конференций на регулярной основе, создание межгосударственных советов по курированию различных гуманитарных сфер.

По сравнению с двусторонней формой сотрудничества подсистемы интеграционных объединений СНГ, ШОС стран-участников ЕАЭС имеют несколько иные задачи, решение которых не обязательно сопровождается действиями по интеграции в сфере образования, но приводит к взаимовыгодному сотрудничеству в социальной, экономической и потом уже гуманитарной сферах. В конечном итоге мы можем наблюдать провозглашение различных совместных проектов, например, открытие сетевых университе-

тов СНГ и ШОС, разработку программ двойных дипломов, создание условий для академической мобильности и др. Степень реализации идеи создания общего образовательного пространства в рамках интеграционных объединений различная. Например, в отношении документальной основы для реализации образовательных проектов в СНГ и ЕАЭС существует множество нареканий по поводу недоработанности базовых положений, что вносит определенную сумятицу в реализацию самой идеи создания евразийского образовательного пространства [25; 26].

Для корректности анализа важно отметить, что в Соглашении о гуманитарном сотрудничестве стран-участниц СНГ не используется понятие общего образовательного пространства, а вместо него упоминается термин «общее информационное пространство» [23, с. 82]. Однако этот факт не отрицает важности существования общего образовательного пространства, о чем свидетельствует текст резолюции 2019 г. (XIV Форум творческой и научной интеллигенции государств-участников СНГ, проведенный в г. Ашхабад), где упоминается о необходимости согласования «...приоритетов развития общего образовательного пространства стран Содружества в условиях появления новых сфер деятельности и профессий, требующих постоянного изменения квалификаций, непрерывного образования и адаптации к новым вызовам»¹. И если в 2011 г. на VI Форуме творческой и научной интеллигенции государств – участников Содружества, который проходил в Киеве, в резолюции было лишь предложено «образовательным ведомствам всех стран СНГ поддержать инициативу России, Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана о выделении квот для обучения в Сетевом университете СНГ за счет средств национальных бюджетов», а также «рассмотреть вопрос о целесообразности разработки Межгосударственной программы развития академической мобильности в сфере образования и науки на пространстве Содружества»², то в 2019 г. риторика сменилась к демонстрации большей заинтересованности в интеграции: «поддерживать совместные проекты в области сохранения культурного и природного наследия стран Содружества... способствовать расширению сотрудничества организаций науки, образования и культуры, общественных объединений для всестороннего изучения и популяризации языков, культур, истории и национальных традиций стран Содружества»³.

Конечно, мы не будем столь идеалистично настроены, поскольку и в демонстрации заинтересованности стран к гуманитарному сотрудничеству

---

¹ Резолюция XIV Форума творческой и научной интеллигенции государств-участников СНГ [Электронный ресурс]. URL: <http://old.e-cis.info/page.php?id=26684> (дата обращения: 01.09.2021).

² Там же.

³ Там же.

звучат нотки их экономических интересов: «углублять сотрудничество для повышения конкурентоспособности национальных систем с учетом лучших национальных традиций и опыта, а также перспективных подходов, утвердившихся в мировой практике»⁴. Эту фразу можно трактовать по-разному, однако критерии оценки конкурентоспособности закладываются международными рейтингами и для поддержания своего политического влияния, привлечения дополнительных инвестиций страны вынуждены их придерживаться.

Обращение в резолюции к необходимости целостности и единства элементов: «создание (изменение) нормативно-правовой базы, институтов и условий на уровне отдельных государств для развития общей системы сотрудничества. Например, изменение национальных правил приема иностранных граждан после подписания многостороннего соглашения о взаимном признании документов об образовании»⁵ также свидетельствует скорее о решении социально-экономических задач государствами. Вопрос: какими государствами?

По данным исследования А. Л. Арефьева и Ф. Э. Шереги [27], в 2011 г. «абсолютное большинство иностранных потребителей российских образовательных услуг во всех типах учебных заведений являются выходцами из бывших советских национальных республик: 90 % – в средних школах, 98 % – в учреждениях начального и среднего профессионального образования, 64 % – в вузах на территории РФ и 88 % – в зарубежных филиалах и других структурных подразделениях и совместных учебных заведениях за пределами России. Прирост числа иностранных студентов, стажеров, аспирантов, а также учащихся школ, учреждений НПО и СПО в последние годы происходит за счет представителей стран СНГ» [27, с. 62]. Для сравнения в 2014/15 учебном году число студентов в высших учебных заведениях Российской Федерации – граждан других государств – составляло 183 тыс. человек, в 2017/18 учебном году прошли обучение по очной форме более 207 тыс. иностранных граждан из 178 стран (63 % из стран СНГ, 21 % из стран Азии, 7 % из стран Ближнего Востока и Северной Африки) [28], а в 2019/20 учебном году «общее количество иностранных студентов в российских университетах составило 315 тыс. человек – это около 8 % от общего числа студентов в России»⁶. Детальное распределение основных групп иностранных студентов можно посмотреть на рисунке.

---

⁴ Резолюция XIV Форума творческой и научной интеллигенции государств-участников СНГ [Электронный источник]. URL: <http://old.e-cis.info/page.php?id=26684> (дата обращения: 01.09.2021).

⁵ Там же.

⁶ Количество иностранных студентов в России растет [Электронный источник]. URL: <https://studyinrussia.ru/actual/articles/rekordnoe-kolichestvo-inostrannykh-studentov-vybrali-rossiyu-v-2020-godu> (дата обращения: 01.09.2021).

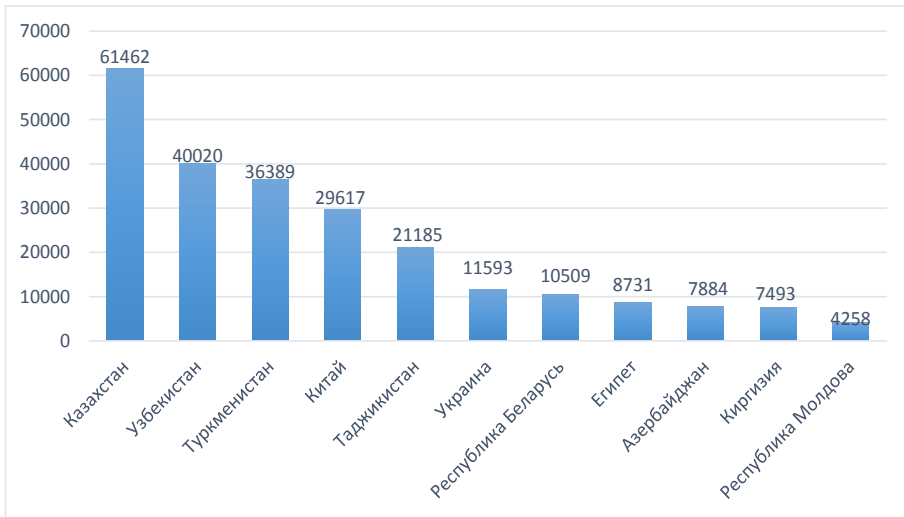

Рис. Распределение основных групп иностранных студентов в 2019/20 учебном году

Таким образом, с одной стороны, мы видим постепенное увеличение числа иностранных студентов в России, что соответствует реализации приоритетного проекта «Развитие экспортного потенциала российской системы образования» [29, с. 32], направленного на увеличение количества иностранных граждан, обучающихся на очной форме в российских образовательных организациях среднего профессионального и высшего образования, с 220 тыс. человек в 2017 г. до 710 тыс. человек в 2025 г. [28]. С другой стороны, доминирование в этом числе доли студентов из СНГ, хотя, несомненно, решает задачу повышения политического влияния страны в этом образовательном пространстве, но не решает другую задачу – повышения конкурентной способности российской системы образования не только в СНГ, но и мире в целом.

В другом не менее важном документе (Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»⁷), указывается задача не просто увеличения количества иностранных граждан, обучающихся в образовательных организациях высшего образования и научных организациях, не менее чем в два раза, но реализации «комплекса мер по трудоустройству лучших из них в Российской Федерации»⁸. Возможно,

⁷ О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года [Электронный ресурс]: Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204. URL: <https://minenergo.gov.ru/view-pdf/11246/84473> (дата обращения: 01.09.2021).

⁸ Там же.

таким образом, с одной стороны, решается проблема нехватки трудовых ресурсов в стране, но с другой – анализ возможных последствий этого требует отдельного исследования с учетом тенденций миграции в Россию граждан из стран СНГ.

Несомненно, для облегчения условий сотрудничества в сфере образования снижение формальных препятствий на уровне согласования официальных документов стран является большим плюсом, но последствия смягченных условий приема в учебные заведения, а также потенциального трудоустройства выпускников в сочетании с феноменом образовательной миграции необходимо просчитывать заранее, особенно когда все на том же XIV Форуме творческой и научной интеллигенции государств – участников СНГ темой общей панельной дискуссии становится «Туркменистан – сердце Великого Шелкового пути». Воспринимать ли это как обращение к великому прошлому страны-организатора форума или как некое приглашение к сотрудничеству стран, не входящих в ЕАЭС и СНГ, из резолюции заключить не удалось.

По нашему мнению, одним из важнейших факторов сохранения целостности образовательного пространства стран СНГ является возможность коммуницировать на русском языке. После распада СССР, когда практически вся научная и политическая элита бывших союзных республик получила образование в центральных городах страны, проблем с коммуникацией не возникало. Более того, общение на научных конференциях в странах Восточной Европы, Монголии уже в наши дни свидетельствуют о сохранности научных и образовательных кадров, готовых к взаимодействию с россиянами и гражданами СНГ на русском языке. Так, возможно, в этом контексте лучше создавать предпосылки к актуализации в государствах СНГ использования русского языка как средства международного взаимодействия, приглашению российских исследователей и преподавателей с целью сохранения и развития русскоязычного коммуникационного пространства? Это не является признаком усиления великодержавного шовинизма, а скорее фактором, который действительно мог бы способствовать целостности общего информационного пространства и сохранению историко-культурного наследия государств. Так, эксперты некоммерческого партнерства «Российский совет по международным делам» еще в 2013 г. отмечали, что «русский язык, русскую культуру и русскоязычное информационное пространство следует рассматривать как сопоставимый по степени значимости с экономическими или военно-политическими инструментами реализации российских интересов» [30, с. 48].

Эта мысль не нова, поскольку активизация внешней политики России в этом направлении произошла еще в 2010-е гг. Для этой цели были созданы Российские центры науки и культуры (РЦНК) в некоторых странах СНГ, а при помощи Федерального агентства по делам Содружества неза-

висимых государств соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество) через каналы РЦНК реализовались различные проекты по развитию русского языка. И, возможно, не только создание ЕАЭС в 2015 г., изменение внешней обстановки, но и работа этих центров повлияли на то, что во многих странах (Кыргызстане, Узбекистане, Туркменистане и др.) вновь стал заметен интерес к изучению русского языка. Как отмечает В. М. Фатыхова, многие проекты ЕАЭС «пробуксовывают», и связано это «с недостаточной популяризацией идеологии евразийства и укоренившейся в странах-партнерах России националистической риторикой» [25, с. 159].

Например, в Кыргызстане, несмотря на продолжающийся отток славянского (и в целом русскоязычного) населения, в последние годы наблюдается резкое усиление интереса к изучению русского языка. К. А. Кудаяров связывает этот факт с вступлением Кыргызстана в ЕАЭС, что способствовало расширению интеграции страны в образовательное и экономическое пространство России [31]. Ссылаясь на первый форум ректоров вузов России и Киргизии, прошедший 27 марта 2019 г. в Бишкеке, где участвовало более сотни руководителей высших учебных заведений двух стран, автор подчеркивает открывшиеся перспективы для оптимизации образовательных программ, «совместной подготовки молодых ученых, а также возможность работы в едином образовательном пространстве» [31, с. 51]. И эту прекрасную мысль он продолжает тезисом о необходимости и дальнейшего «финансирования русскоязычных общеобразовательных учреждений (как уже существующих, так и будущих) вкуче с поддержкой представительств российских вузов в Киргизии» [31, с. 52]. В этом контексте хочется лишь отметить: автор упоминает о том, что «русскоязычные школы Киргизии являются собственностью Киргизской Республики, в отличие от вузов, среди которых много филиалов российских высших учебных заведений» [31, с. 50].

Конечно, мы понимаем, что экономическая поддержка любых проектов скорее является основой, а не неким приятным бонусом заинтересованной стороны, но в последние годы с развитием цифровых ресурсов и социальных сетей появилось много дополнительных механизмов, которые могли бы актуализировать интерес к изучению русского языка. В условиях сохранения интереса к образовательным ресурсам и возможности получения образования в России многим потенциальным студентам и аспирантам приходится осваивать цифровые ресурсы, разработанные на русском языке, поскольку аналогов в их странах просто нет. Для подготовки научных работ, получения возможности опубликовать статьи в российских изданиях авторам приходится работать с такими ресурсами, как Elibrary.ru, Antiplagiat.ru и др. Для обучения на онлайн-курсах лучших преподавателей России также необходимо знание русского языка. И это те механизмы,

которые скорее привлекут в Россию капитал, а не потребуют очередных финансовых вложений.

В данном контексте мы сознательно не упоминаем об уже существующих технологических платформах, объединяющих 417 научных и промышленных учреждений ЕАЭС [25], поскольку, несмотря на то что эти проекты технологические, в их реализации в первую очередь заинтересованы государственные структуры, бизнес и промышленные предприятия, поэтому широкого гуманитарного влияния на слои населения, не имеющие непосредственное отношение к этим отраслям, они не будут иметь, хотя, безусловно, обладают прорывным эффектом.

Приведенный пример сотрудничества России с Кыргызстаном интересен еще тем, что мы фактически наблюдаем множественный тип договоренностей: в рамках двухсторонних отношений, СНГ, ШОС и ЕАЭС. Это лучше всего иллюстрирует утверждение П. А. Цыганкова о том, что система международных отношений представляет социетальный тип системы, являющейся наиболее сложной для анализа, поскольку частично конструируется людьми в политических и иных целях [15, с. 5], а мы бы добавили, что переплетение разных типов взаимосвязей обуславливает необходимость многофакторного анализа взаимозависимостей. Система является весьма противоречивой еще и потому, что каждое из государств стремится получить конкурентные преимущества, тем самым активизируя своих соперников на укрепление своих позиций, даже тех, кто в условиях заключения соглашений становятся «партнерами». Поэтому ряд исследователей при анализе международных отношений фокусируется на усиливающейся взаимозависимости между странами [32], а другая часть полагает, что в условиях современного сложно-сконструированного мира уместнее говорить не о балансе сил, а о балансе угроз [33], перед которыми страны могут объединиться.

В этой связи примечательна позиция белорусской исследовательницы Л. Титаренко относительно Болонского процесса. Она рассматривает его как модель, обеспечивающую интересы в первую очередь государств Европейского союза: «...продвигаемая западными странами идея интернационализации рынка образования является выражением рыночных потребностей этих стран в их продвижении в незападное пространство (включая постсоветские страны)» [34, с. 320]. Поэтому, несмотря на то что, по ее мнению, пока интеграционная идея в сфере создания единого образовательного пространства государствами ЕАЭС пробуксовывает, для защиты национальных интересов следует с большей осторожностью относиться к внедрению Болонских принципов и развивать собственные образовательные интеграционные проекты [34, с. 320].

Заключение. Представленный анализ позволяет сделать вывод о том, что использование термина «евразийское образовательное пространство»

на данный момент скорее является идеей, разделяемой многими государствами, территориально причисляемыми и даже весьма спорно самопричисляемыми к этому пространству.

Попытка представления европейского образовательного пространства в виде системы показала достаточно сложно сконструированную многослойную композицию из различных взаимодействующих систем и подсистем, включающую двусторонние партнерские типы объединений, а также различные коалиции и ассоциации (СНГ, ШОС, ЕАЭС и др.). Современные социально-экономические и политические процессы, вхождение стран одновременно в различные типы объединений заставляют систему постоянно искать баланс и равновесие для сохранения устойчивости.

Противоречивость системы международных отношений отчасти дает понимание ситуации, когда даже в рамках создания общего образовательного пространства происходит усиление конкуренции национальных образовательных систем, в том числе на евразийском пространстве, и для получения преимуществ используются ресурсы не только свои, но и своих «партнеров». В этой связи мы полагаем, что одной из задач выработки продуманной стратегии сохранения баланса в партнерских отношениях в рамках общего информационного или образовательного пространства является многофакторный анализ происходящих событий с учетом целей и задач не только стран, входящих в коалиции и ассоциации, но и влияющих на них извне.

Одной из важных задач каждой страны, в том числе России, является взвешенное продуманное перераспределение сил и возможностей для сохранения устойчивости системы как в целом, так и в конкретном случае отдельно взятой страны. Важным фактором сохранения условий взаимодействия в евразийском образовательном пространстве является формирование мотивации к изучению и сохранению русского языка как языка международного общения. Для решения этой задачи эффективными могут быть не только экономические рычаги, но и различные механизмы, включающие использование цифровых технологий.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Bull H., Watson A.** The Expansion of International Society. Oxford: Oxford University Press, 1984. 411 p.
2. **Сорокин П. А.** Система социологии. М.: Астрель, 2008. 1008 с.
3. **Сорокин П. А.** Социальная и культурная динамика: монография. М.: Академ. проект, 2020. 988 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19657017>
4. **Haas E.** The Balance of Power: Prescription, Concept, or Propaganda // World Politics. 1953. Vol. 5, № 4. P. 442–477.
5. **Kaplan M.** Balance of Power, Bipolarity and Other Models of International Systems // The American Political Science Review. 1957. Vol. 51, № 3. P. 684–695.

6. **Kaplan M.** Macropolitics: Selected essays on the philosophy and science of politics. Aldine Pub. Co, 1969. 242 p.
7. **Waltz K.** International Structure, National Force, and the Balance of World Power // Journal of International Affairs. 1967. Vol. 21, № 2. P. 215–231.
8. **Zinnes D.** An Analytical Study of the Balance of Power Theories // Journal of Peace Research. 1967. Vol. 4, № 3. P. 270–288.
9. **Hoffmann S.** Weighing the Balance of Power // Foreign Affairs. 1972. Vol. 50, № 4. P. 618–643.
10. **Chatterjee P.** The Classical Balance of Power Theory // Journal of Peace Research. 1972. Vol. 9, № 1. P. 51–61.
11. **Баланс сил в мировой политике. Теория и практика / отв. ред. Э. А. Поздняков. М.: ИМЭМО РАН, 1993. 176 с.**
12. **Богатуров А. Д.** Плюралистическая однополярность и интересы России // Свободная мысль. 1996. № 2. С. 24–36.
13. **Кулагин В. М.** Мир в XXI веке: многополюсный баланс сил или глобальный Pax Democratica? // Полис. Политические исследования. 2000. № 1. С. 23–37. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=5078347>
14. **Кременюк В. А.** Управление и управляемость в мировой политике // Международные процессы. 2004. Т. 2, № 3 (6). С. 29–39. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17026262>
15. **Цыганков П. А.** Системный подход в теории международных отношений // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2013. № 5. С. 3–25. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21205826>
16. **Загладин Н. В.** Переходные периоды в мировой политике // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60, № 12. С. 27–39. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27657611>
17. **Зобнин А. В.** К определению принципа баланса сил: опыт неоинституционального подхода к международной среде // Международные процессы. 2014. Т. 12, № 3 (38). С. 55–69. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23065140>
18. **Дегтярев Д. А., Худайкулова А. В.** Баланс сил в международно-политической науке: теоретические концепции и прикладной анализ // Национальная безопасность / Nota bene. 2018 № 1 (54). С. 1–12. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32574970>
19. **Витгенштейн Л.** Культура и ценность. О достоверности. М.: АСТ: Астрель: Мидгард, 2010. 256 с.
20. **Соссюр Ф. де.** Курс общей лингвистики / пер. с франц. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
21. **Бахтин М. М.** Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках // Литературно-критические статьи. М.: Искусство, 1986. С. 473–500. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36378667>
22. **Osgood Ch. E.** Focus on Meaning: Explorations in Semantic Space. Mouton Publishers, 1979. 225 p.
23. **Комлева В. В.** Гуманитарное сотрудничество в Евразии: система евразийского образовательного пространства // Этносоциум и межнациональная культура. 2019. № 10 (136). С. 80–92. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42336147>
24. **Боголюбова Н. М., Николаева Ю. В.** Образовательные связи на постсоветском пространстве: от интеграции в рамках СНГ к евразийской образовательной интеграции // Диалог: политика, право, экономика. 2018. № 3 (10). С. 65–73. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36453071>
25. **Фатыхова В. М.** Евразийское сотрудничество в области науки и высшего образования: перспективы неофункционального «перетекания» // Вестник МГИМО Университета. 2019. № 2 (65). С. 159–175. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37610562>
26. **Черникова А. А.** Образовательная миграция из стран евразийского экономического союза: социальные угрозы, перспективы, динамика // Вестник Нижегородского универ-

- ситета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2020. № 2 (58). С. 149–157. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=43964004>
27. **Арефьев А. Л., Шереги Ф. Э.** Иностранцы студенты в российских вузах. М.: Центр социол. исследований, 2014. 228 с.
28. **Кроер Е. В.** Анализ числа обучающихся из зарубежных стран в образовательных организациях Российской Федерации // Глобальный научный потенциал. 2019. № 12 (105). С. 118–125. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42502606>
29. **Гурко Д. Д., Тростянская И. Б., Сема Е. Ю., Барсукова А. А., Полихина Н. А.** Обучение иностранных граждан в российских учреждениях высшего образования: монография. М.: Социоцентр, 2019. 308 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=39237132>
30. **Наумкин В. В., Звягельская И. Д., Войко Е. В., Грозмин А. В., Коргун В. Г., Малышев Д. Б., Притчин С. А., Хейфец Б. А.** Интересы России в Центральной Азии: содержание, перспективы, ограничители: монография / отв. ред. И. С. Иванов. М.: Спецкнига, 2013. 64 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25104621>
31. **Кудаяров К. А.** Русский язык как основа образовательной интеграции России и Киргизии // Вестник РГГУ. Серия: Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения. 2020. № 1. С. 43–53. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=43122924>
32. **Худайкулова А. В.** Современные международные отношения: импликация нового контекста взаимозависимости // Полис. Политические исследования. 2005. № 6. С. 172–176. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=9164516>
33. **Walt St. M.** Alliance formation and the balance of world power // *International Security*. 1985. Vol. 9, № 4. P. 3–43. DOI: <https://doi.org/10.2307/2538540>
34. **Титаренко Л. Г.** Место и роль интеграции систем высшего образования в международном сотрудничестве стран ЕАЭС // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество: сб. трудов конференции (Москва, 12–13 сентября 2018 г.). М., 2018. С. 319–321. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36705012&pff=1>

REFERENCES

1. *The Expansion of International Society*. Ed. By Bull H., Watson A. Oxford: Oxford University Press, 1984, 411 p.
2. Sorokin P. A. *The system of sociology*. Moscow: Astrel Publ., 2008, 1008 p. (In Russian)
3. Sorokin P. A. *Social and cultural dynamics*. Moscow: Astrel Publ., 2006, 1176 p. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19657017> (In Russian)
4. Haas E. The Balance of Power: Prescription, Concept, or Propaganda. *World Politics*, 1953, no. 5 (04), pp. 442–477.
5. Kaplan M. Balance of Power, Bipolarity and Other Models of International Systems. *The American Political Science Review*, 1957, no. 51 (03), pp. 684–695.
6. Kaplan M. *Macropolitics: Selected essays on the philosophy and science of politics*. Aldine Publ. Co, 1969, 242 p.
7. Waltz K. International Structure, National Force, and the Balance of World Power. *Journal of International Affairs*, 1967, no. 21 (02), pp. 215–231.
8. Zinnes D. An Analytical Study of the Balance of Power Theories. *Journal of Peace Research*, 1967, no. 4 (03), pp. 270–288.
9. Hoffmann S. Weighing the Balance of Power. *Foreign Affairs*, 1972, no. 50 (04), pp. 618–643.
10. Chatterjee P. The Classical Balance of Power Theory. *Journal of Peace Research*, 1972, no. 9 (01), pp. 51–61.
11. *The balance of power in world politics. Theory and practice*. Ed. by E. A. Pozdnyakov. Moscow: IMEMO RAS Publ., 1993. 176 p. (In Russian)
12. Bogaturov A. D. Pluralistic unipolarity and the interests of Russia. *Free Thought*, 1996, no. 2, pp. 24–36. (In Russian)

13. Kulagin V. M. The world in the XXI century: a multipolar balance of power or a global Pax Democratica? *Polis*, 2000, no. 1, pp. 23–37. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=5078347> (In Russian)
14. Kremenyuk V. A. Management and manageability in world politics. *International Processes*. 2004, no. 6, pp. 29–39. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17026262> (In Russian)
15. Tsygankov P. A. System approach in the theory of international relations. *Bulletin of the Moscow University. Series 12. Political Sciences*, 2013, no. 5, pp. 3–25. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21205826> (In Russian)
16. Zagladin N. V. Transitional periods in world politics. *World Economy and International Relations*. 2016, vol. 60, no. 12, pp. 27–39. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27657611> (In Russian)
17. Zobnin A. V. On the definition of the principle of balance of forces: the experience of a neo-institutional approach to the international environment. *International Processes*, 2014, vol. 12, no. 3 (38), pp. 55–69. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23065140> (In Russian)
18. Degtyarev D. A., Khudaikulova A. V. Balance of forces in international political science: theoretical concepts and applied analysis. *National Security / Nota bene*, 2018, no. 1 (54), pp. 1–12. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32574970> (In Russian)
19. Wittgenstein L. *Culture and value. About reliability*. Moscow: AST: Astrel: Midgard Publ., 2010, 256 p. (In Russian)
20. Saussure F. de. *General Linguistics course*. Transl. from French. Moscow: Editorial URSS Publ., 2004, 256 p. (In Russian)
21. Bakhtin M. M. The problem of text in linguistics, philology and other humanities. *Literary and Critical Articles*. Moscow: Iskusstvo Publ., 1986, pp. 473–500. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36378667> (In Russian)
22. Osgood Ch. E. *Focus on Meaning: Explorations in Semantic Space*. Mouton Publishers, 1979, 225 p.
23. Komleva V. V. Humanitarian cooperation in Eurasia: the system of the Eurasian educational space. *The Ethnosocium*, 2019, no. 10 (136), pp. 80–92. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42336147> (In Russian)
24. Bogolyubova N. M., Nikolaeva Yu. V. Educational ties in the post-Soviet space: from integration within the CIS to Eurasian educational integration. *Dialog: Politics, Law, Economics*, 2018, no. 3 (10), pp. 65–73. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36453071> (In Russian)
25. Fatyhova V. M. Eurasian cooperation in the field of science and higher education: prospects of non-functional “overflow”. *Bulletin of MGIMO University*, 2019, no. 2 (65), pp. 159–175. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37610562> (In Russian)
26. Chernikova A. A. Educational migration from the countries of the Eurasian Economic Union: social threats, prospects, dynamics. *Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky. Series: Social Sciences*, 2020, no. 2 (58), pp. 149–157. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=43964004> (In Russian)
27. Arefiev A. L., Sheregi F. E. *Foreign students in Russian universities*. Moscow: Center for Sociological Research, 228 p. (In Russian)
28. Kroer E. V. Analysis of the number of students from foreign countries in educational organizations of the Russian Federation. *Global Scientific Potential*, 2019, no. 12 (105), pp. 118–125. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42502606> (In Russian)
29. Gurko D. D., Trostyanskaya I. B., Sema E. Yu., Barsukova A. A., Polukhina N. A. *Training of foreign students in Russian institutions of higher education the Ministry of science and higher education of the Russian Federation*. Moscow: Sociocentric Publ., 2019. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=39237132> (In Russian)
30. Naumkin V. V., Zvyagelskaya I. D., Boyko E. V., Grozmin A.V., Korgun V. G., Malyshev D. B., Pritchkin S. A., Heifets B. A. *Russia's Interests in Central Asia: the prospects and constraints*.

Ed. by I. Ivanov. Moscow: Spetskniga Publ., 2013. 64 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25104621> (In Russian)

31. Kudayarov K. A. Russian language as the basis of educational integration of Russia and Kyrgyzstan. *Bulletin RSHU. The series "Eurasian Studies. History. Political science. International relations"*, 2020, no. 1, pp. 43–53. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=43122924> (In Russian)
32. Khudaikulova A. V. Modern international relations: the implication of a new context of interdependence. *Polis. Political Research*, 2005, no. 6, pp. 172–176. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=9164516> (In Russian)
33. Walt S. Alliance formation and the balance of world power. *International Security*, 1985, no. 9 (04), pp. 3–43. DOI: <https://doi.org/10.2307/2538540>
34. Titarenko L. G. The place and role of integration of higher education systems in international cooperation of the EAEU countries. *Greater Eurasia: Development, security, cooperation: proceedings of the conference* (Moscow, September 12–13, 2018). Moscow, 2018, pp. 319–321. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36705012&pff=1> (In Russian)

Информация об авторе

М. А. Абрамова, доктор педагогических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, зав. отделом социальных и правовых исследований, Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук (Россия, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8).

Information about the author

Maruya A. Abramova, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Leading Researcher, Head of the Department of Social and Legal Research, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Russia, 630090, Novosibirsk, Nikolaeva st., 8).

Поступила: 03.09.2021

Received: September 03, 2021

Одобрена после рецензирования: 21.09.2021

Approved after review: September 21, 2021

Принята к публикации: 27.09.2021

Accepted for publication: September 27, 2021